

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 008.009

А. В. Еремин

Современные практики секуляризации церковной деятельности в контексте культурного опыта России

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 14–18–01833)

В статье анализируется специфика актуализации цивилизационного дискурса постсоветской России в контексте секуляризации церковной деятельности. Обосновывается необходимость изучения современных государственно-церковных отношений и деятельности Русской православной церкви с помощью трансдисциплинарной методологии. Предлагается использование понятия «транскультура» применительно к русской культуре. Акцентируется внимание на необходимости понимания «культуры» как «семиосферы бытия» (Ю. М. Лотман), а «цивилизации» – как механизма осуществления культуры, автопроекта культуры, в основе которого находятся три составляющие: архетип – знак – имидж (Т. С. Злотникова, Л. П. Киященко).

В работе уделяется особое внимание ревитализации в современном культурном поле цивилизационных парадигм, а также проблеме репрезентации деятельности Церкви и ее служителей в сфере массового сознания.

На основании обширного эмпирического материала выявляются и характеризуются цивилизационные парадигмы и их влияние на секуляризацию церковной деятельности: «русская симфония», «эсхатологизм социального бытия», «религиозно-социальный исихазм», бинарная оппозиция «вызов – ответ».

В статье отмечается, что государство и Церковь актуализируют цивилизационный проект «русского мира», основанный на понимании единого кода существования – «русской культуры».

В работе интерпретируются формы и методы современной деятельности Русской православной церкви, церковное влияние на сферу массового сознания, процесс социально православизации в контексте усиления «русской симфонии».

Ключевые слова: секуляризация, цивилизация, Церковь, государство, бинарная оппозиция, идентичность, «русская симфония».

THEORETICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

A. V. Eriomin

Modern Practices of Secularization of Church Activity in the Context of Russian Cultural Experience

In the article specificity of updating of the civilization discourse of Post-Soviet Russia in the context of church activity secularization are analyzed. Need to study the modern state and church relations and activity of the Russian Orthodox Church by means of transdisciplinary methodology is proved. Use of the concept «transculture» in relation to the Russian culture is offered. The attention is drawn to need in understanding «culture» as «semiosphere of life» (Yu. M. Lotman), and «civilization» as a mechanism of culture implementation, the autoproject of culture at the heart of which there are three components: archetype-sign-image (T. S. Zlotnikova, L. P. Kiyashchenko).

In the work special attention is paid to revitalization in the modern special cultural field of civilization paradigms, and also the problem of representation of activity of Church and its attendants in the sphere of mass consciousness.

On the basis of the extensive empirical material civilization paradigms and their influence on church activity laicisation come to light and are characterized: «the Russian symphony», «eschatologism of social life», «religious and social hesychasm», binary opposition «challenge answer».

In the article it is noted that the state and Church bring up to date the civilization project – the project «the Russian world» based on understanding of the uniform code of existence – «the Russian culture».

In the work forms and methods of modern activity of the Russian Orthodox Church, church influence on the sphere of mass consciousness, the process of social pravoslavization in the context of strengthening «the Russian symphony» are interpreted.

Keywords: laicisation, civilization, Church, state, binary opposition, identity, «the Russian symphony».

В XXI в. начинается процесс активного конструирования Церковью социокультурной реальности, особенно заметно это происходит в период патриаршества Кирилла. Деятельность Церкви приобретает очертания четко продуманной программы, которая наполняется культуuroобразующими смыслами, что, в свою очередь, поддерживается государством. В XXI в. мы можем наблюдать реализацию нового цивилизационного проекта, который обозначается Патриархом и Президентом как создание «русского мира» – культурной общности с единой идентичностью и ценностями, основанными на традиционных христианских, духовно-нравственных ценностях.

Для гуманитарных наук представляет большой интерес выявление основных факторов, оказывающих влияние на секуляризацию церковной жизни. Для того чтобы понять причины стремительного и для некоторых жителей России, включая ученых, неожиданного, даже неоправданного усиления церковных позиций в постсоветском обществе, необходимо определиться с методологией исследования, которая способна помочь в понимании специфики влияния культурного опыта России на государственно-церковное взаимодействие. И здесь необходимо отметить, что наиболее адекватной для понимания указанных аспектов нам видится транздисциплинарная методология (В. А. Бажанов, В. Г. Буданов, Л. П. Киященко, А. П. Огурцов, В. Н. Порус, Р. В. Шольц и др.) [5], позволяющая в культурологическом исследовательском поле определить специфику цивилизационного дискурса¹, который актуализировался в постсоветской России в связи с поиском основ коллективной идентичности, что привело к ревитализации традиционной специфики общества, в том числе традиционных институтов, таких как РПЦ.

Отметим, что в постсоветской России актуализируется цивилизационный дискурс. Но каким образом он соотносится с культурным опытом в постсоветской России? Можем ли мы считать, что цивилизация и культура в данном контексте выступают как синонимы?

Как известно, существует множество трактовок понятия «культура» и понятия «цивилизация». Нам представляется обоснованным понимание «культуры» как творческого начала личности или исторического процесса, а «цивилизации» как форм организации социальной жизни, создающих условия для культуры (В. Межуев, Э. Баллер, Н. Злобина). И в этом контексте «культура» и «цивилизация» не противоречат, а дополняют друг друга. «Культура» – это семиосфера (Ю. М. Лотман) бытия, а «цивилизация» – это механизмы осуществления культуры. Цивилизация в таком контексте понима-

ется как механизм осуществления автопроекта культуры в основе которого находится три составляющие: архетип-знак-имидж (Т. С. Злотникова, Л. П. Киященко).

Конкретизируем данную схему. В качестве имиджа может выступать определенный образ, цель, которая задает логику автопроекта культуры, формируются механизмы его реализации. Однако создание механизмов происходит в определенной семиосфере, которая включает архетипы и знаки, поэтому формирование имиджа не может происходить отдельно от культуры (семиосферы). Более того, сам имидж тесно связан с архетипичными представлениями и может их воспроизводить, коррелируя с актуальными парадигмами современности. То есть архетипы могут воспроизводиться в иных, не характерных для культуры, формах. Знаки и коды семиосферы тоже не статичны и подвергаются трансформации в зависимости от имиджа. То есть мы можем сказать о том, что все три составляющих автопроекта культуры находятся во взаимосвязи. Таким образом, мы можем говорить о цивилизации как об определенном проекте той или иной семиосферы.

Проект русской цивилизации, в основе которого находится русская культура, представляющая собой отдельную семиосферу, – это проект, который развивается длительное время и не прекращается до сих пор. Попытка ответить на вопрос: Россия – Запад или Восток? – это мощный катализатор автопроекта культуры, для которой характерен поиск интегрирующих свойств. Поиски путей развития России в XIX в. (западники и славянофилы); восприимчивость к новым явлениям и заимствование форм других культур; идеологические метания и богоискательство в начале XX в.; революционные стремления и русское мессианство (как в религиозной форме, так и в светской) – это своеобразные показатели процесса самоидентификации, понимания себя и своего места в мире. Для России характерен непрекращающийся «поиск», стремление к диалогу с новыми культурными формами, что создает новые потенции для имиджа и его реализации на основе семиосферы, в качестве которой выступает русская культура, рассматриваемая как культура культур или транскультура.

Для русской культуры характерно непрекращающееся взаимодействие глобального и локального (И. В. Кондаков), столкновение с другими культурами приводит не к гибели в процессе псевдомарфоза (О. Шпенглер), а к диалогу (М. М. Бахтин), к параморфозу форм и содержания (глубокое проникновение, мимикрия). Меняются знаки и коды культуры, но сохраняются традиционные смыслы и механизмы. Происходит трансформация архетипов,

но семиосфера, как самоорганизующаяся культурная система, вырабатывает интеграционные начала, формируя цивилизационные механизмы своего существования с целью достижения определенного имиджа.

Если мы говорим о русской цивилизации, то имеем в виду, прежде всего, континуально присутствующий проект, включающий такие компоненты и процессы, как Третий Рим (христианское, православное государство), империя, построение коммунизма, формирование «нравственного государства». В таком контексте национальная идея России – это поиск национальной идеи, поиск новых (старых) имиджей. Русская культура как культура культур, как транскультура (М. Эпштейн) уникальна в том плане, что она представляет своеобразное поле для диалога культур, включая их в свою семиосферу, трансформируя их через механизм параморфоза, но при этом не теряет своей самобытности.

Реализация цивилизационного проекта может происходить в условиях вызовов внешних глобалистских, и именно культура в такой ситуации находит варианты «ответа» (А. Тойнби). На рубеже XX–XXI вв. мы наблюдаем своеобразный вызов глобализационной парадигмы. Отметим, что ответ на вызов данной парадигмы осуществляется через усиление интеграционных механизмов архетипических особенностей общества, через ревитализацию традиции.

В современной России мы наблюдаем апелляцию различных социальных групп и институций к традиции, ревитализацию традиционных парадигм, поиск коллективной идентичности, возрождение традиционных институтов, к числу которых принадлежит и РПЦ. Наблюдение культурных, социальных, нравственных процессов, изучение суждений официальных лиц и рядовых жителей России, изучение материалов СМИ позволяет утверждать: Государство и Церковь актуализируют цивилизационный проект «русского мира», основанный на понимании единого кода существования – «русской культуры». Мы часто видим, как происходит апелляция к цивилизационной самобытности, роли православия и Церкви как силе, способной актуализировать осознание единого знакового кода, основанного на христианских ценностях как смыслах бытия.

Назовем основные, архетипически детерминированные парадигмы, которые, с нашей точки зрения, актуализируются в постсоветской России в контексте государственно-церковного взаимодействия, способствуя секуляризации церковной жизни.

Парадигма «Русской симфонии». Данная парадигма является результатом сциентизации византийской формы – идеи о симфонии государства и Церкви и русского культурного содержания. В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» подчеркивается, что наилучшей формой взаимодействия государства и Церкви является византийская «симфония», которая предполагает независимое сотрудничество двух институтов на благо духовного развития общества. Говоря об исторической локализации термина «симфония», отметим, что данный термин, широко распространен в светской и религиозной современной практике (и имеет уже богатую традицию использования в постсоветской России).

Обратим внимание на то, что термин «симфония» используется в контексте его употребления в официальных и неофициальных текстах. То есть, когда мы говорим о «симфонии», мы имеем в виду то объяснение данного термина, которое есть в «Основах социальной концепции РПЦ»: сотрудничество государства и Церкви на благо духовного возрастания общества, как «сосуществуют тело и душа», и учитываем необходимость внимания к данному исторически сложившемуся понятию. Подобные рассуждения, напомним, основываются на идеях, высказанных императором Юстинианом в Новелле в VI в. н. э. То есть слово используется для обозначения парадигмы взаимодействия государства и Церкви. Подчеркнем, что мы ведем речь именно о парадигме. И главное в этой парадигме – тот смысл, который вкладывается в него самой Церковью: сотрудничество при условии независимости.

Парадигма «русской симфонии» стала важной составляющей российского культурного опыта. Она актуализировалась и в современной России. Мы полагаем, что в постсоветской России государственно-церковные отношения развиваются в русле парадигмы русской симфонии, которая предполагает независимое от государства существование и в то же время большую роль РПЦ в конструировании социокультурной реальности, когда Церковь позиционирует себя как духовная власть, призванная наполнить смыслами социокультурное пространство и легитимизировать светскую власть. То есть «русская симфония» создает условия для определенной православизации культуры.

Отметим, что симфонические отношения не предполагают обязательную гармонизацию. «Симфоничность» и «гармонизация» – это не синонимы. Парадигма «Русской симфонии» очень многогранна в плане конкретных воплощений и практических механизмов реализации. В постсоветской

России – это кооперационная модель взаимодействия между РПЦ и государством.

Эсхатологизм социального бытия

В постсоветской России данная парадигма актуализируется в связи с влиянием глобализационных процессов, происходящих в условиях поиска интегративных цивилизационных начал и усиления коллективной идентичности. Парадигма эсхатологии социального бытия влияет на социокультурную деятельность Церкви, определяет специфику ее позиции в отношении к прогрессу и путям развития российского общества. Происходит ее влияние на особенности государственно-церковного взаимодействия, развивающегося в контексте парадигмы «русской симфонии».

Представления об опасности секуляризма и глобализационных процессов порождают убеждение в том, что свобода человека должна быть ограничена для его же пользы различными институтами, в том числе религиозными. Нужно отметить, что эта особенность социального бытия являлась чертой русской цивилизации, укоренившейся в представлениях об опасном влиянии Запада, экспансирующего иную веру, революционные идеи, либерализм, отвергающего приоритет религиозных ценностей. Здесь необходимо вспомнить идеи К. Н. Леонтьева, высказанные в духе антропологического пессимизма, так называемого консервативного человекопонимания, о том, что только в религии можно найти защиту от западного влияния, угрожающего национальной идентичности [2]. Данную парадигму восприятия человека как части единого социокультурного пространства, которое нужно оберегать и защищать с помощью религиозных духовно-нравственных ценностей в силу потенциальной угрозы его гибели, можно назвать одной из цивилизационных особенностей российского общества, проявившихся в переходную эпоху и влияющих на специфику деятельности Русской православной церкви на рубеже XX–XXI вв.

Исихазм как религиозная и социально-политическая идея

Важно отметить, что в современной науке исихазм понимается не только как богословское учение, предполагающее «бегство от мира» с целью уединенной молитвы и соединения с Богом. Для понимания культурного опыта важно учитывать подходы к исихазму, которые раскрывают его социокультурное и социально-политическое значение.

Первым, кто в научном плане попытался проанализировать феномен исихазма не только в богословском, но и в культурно-историческом аспекте, является от. Иоанн Мейендорф, также в данном

контексте исихазм изучал Г. М. Прохоров. От. Иоанн Мейендорф утверждал, что исихазм оказал определяющее влияние на политическую ситуацию Византии и Руси XIV в. [3]. Г. М. Прохоров развивал его идеи [4]. По его мнению, русские исихасты – Сергей Радонежский, Стефан Пермский и другие – определяли судьбы Московского государства и создали идеологию формирования великорусской народности.

Ученик Прохорова В. Петрунин в своей книге «Политический исихазм и его традиции в социальной концепции Московского патриархата» впервые употребил термин «социальный исихазм». Монография была издана в 2009 г. по благословению главы ОВЦС МП Илариона (Алфеева). Это очень важный показатель того, что современная Церковь признает мысль о том, что исихазм в своем социально-политическом контексте является частью современной церковной деятельности.

В таком ракурсе исихазм становится важной составляющей империи, цивилизационного проекта и конкретных социокультурных практик. Исихазм выходит за рамки замкнутого религиозно-политического учения. Стремление к обожению, к «святой Руси» и «святому народу» становится стратегической целью цивилизационного проекта, который реализуется во многом благодаря Церкви и государству. Такая специфика трансформации исихазма оказывает влияние и на современную позицию Церкви, которая, поддерживая проект «Русского мира», активизирует мессианские императивы и конструирует смыслы бытия, основанные на христианских, духовно-нравственных ценностях, которые должны быть, по ее мнению, основой российской цивилизации, употребляя выражение патриарха, «островом Россия».

В постсоветской России этот дискурс актуализируется в том числе и в основном документе Русской православной церкви «Основы социальной концепции РПЦ», в котором лейтмотивом звучит мысль о православном патриотизме и преобразовании мира на основе духовно-нравственных ценностей, в политике это тесное сотрудничество с властью – проявление актуализирующейся парадигмы «русской симфонии».

Ревитализация архетипичных проявлений русской культуры является своеобразным ответом на вызовы современных парадигм, что приводит к повышению роли Церкви в современном обществе и способствует секуляризации церковной жизни, так как Церковь в силу своего статуса занимает место «духовной власти», принимающей участие в конструировании социально-политических и культурных реалий современной жизни.

Наряду с культурно-историческими позициями, устанавливающими континуальность государственно-церковных отношений, о которых речь шла выше, важно обратить внимание на прагматическую сферу взаимодействия двух институций как отражение современных культурных процессов. В частности, это – проблема репрезентации деятельности Церкви и ее служителей в сфере массового сознания.

РПЦ уделяет вполне заметное внимание своей деятельности в СМИ. Мы можем констатировать, что представительство Церкви в СМИ к настоящему времени достигло впечатляющих цифр – более 2 тысяч православных сайтов, сотни печатных изданий, широкое представительство на телевидении. Важное место занимают православные порталы и официальные сайты РПЦ. Свои собственные сайты имели все отделы патриархии, епархии и большинство приходов. Среди наиболее посещаемых и важных для интернет-пространства ресурсов можно назвать сайт «Патриархия.ру», «Моспат.ру», «Православие и мир».

Московская патриархия поддерживала существование интернет-порталов: «Православие в России» (1997–1998 гг.) и «Русское православие» (с 1998 г.). Популярными православными сайтами на рубеже XX–XXI вв. были «Русская линия», «Радонеж», «Православие.ру», «Православный навигатор». Важное значение для усиления православных начал социальной солидарности имел сайт «Богослов.ру».

Существенно увеличивают статистику многочисленные блоги и группы в социальных сетях (их количество (огромное) невозможно точно установить). Если говорить про телевидение и печатные источники информации, то здесь РПЦ представлена очень солидно. Существует три православных канала: «Спас», «Союз», «Радость ты моя». Гораздо шире представлен сегмент различных православных телепередач на общероссийских и региональных каналах («Слово Пастыря» на первом канале – ведущий патриарх Кирилл, «Церковь и мир» на канале Россия 24. – ведущий митр. Иларион). Стала традицией трансляция праздничных служб на общероссийских и региональных каналах. Стоит отметить трансляцию панихиды первого президента России Б. Ельцина из храма Христа Спасителя, позднее, оттуда же, – писателя А. Солженицына.

Необходимо отметить, что свой вклад в решение проблем государственно-церковного взаимодействия вносит специально созданный РПЦ информационный синодальный отдел, который возглавляет В. Легойда и который за последние годы провел обширную работу. Церковь едва ли не молниеносно реагирует на антицерковные выступле-

ния, инициирует ответные информационные акции. Это связано с необходимостью «борьбы за человека» в современном информационном пространстве. Грамотно проводимые общественные акции, тиражируемые слова патриарха и его комментарии – все это говорит о четко выстроенной информационной политике Церкви.

Нужно отметить, что организуемая церковью информационная политика – это только небольшая часть так называемого «православного мейнстрима» в культурном поле современной России. Православный дискурс существует в различных полях массовой культуры, в том числе и в рекламе. Мы можем говорить о существовании православных религиозием, которые подкрепляются православным сообществом и представителями власти. Существуют многочисленные православные фильмы, ролики, а также рок, рэп, поп группы, активно поддерживается тренд православной направленности российских байкеров (всероссийский мото клуб «Ночные волки»), православные общества спортсменов, многочисленных профессиональных групп. Храмы и православная традиция пронизывает культурное поле России. Ее знаки мы находим в том числе и на денежных купюрах (тысячная купюра с изображением Ярославских храмов). Православные праздники: «День любви, семьи и верности» (день памяти св. Петра и Февронии), «День славянской письменности и культуры» (день памяти св. Кирилла и Мефодия), «День народного единства» (день празднования Казанской иконе Божией Матери) позиционируются в основном как православные всероссийские праздники. То есть СМИ и каналы массовой культуры оказывают существенное влияние на формирование массового сознания, которое подвержено процессу православизации. В этом плане тренды, формируемые антиклерикальными СМИ уступают, хотя вызывают определенный резонанс (статьи о недвижимости и предметах личного обихода Патриарха, сводки новостей об отдельных священнослужителях в связи со скандальными ситуациями, в том числе криминального характера и т. д.).

Проявлением глобализационных форм является дискурс церковного интеллектуализма, особо распространившегося с приходом патриарха Кирилла (выдвижение на первый план церковных интеллектуалов, подчас вступающих в острую дискуссию и занимающих разные именно политические позиции: митрополита Илариона, протоиерея Всеволода Чаплина, протоиерея Дмитрия Смирнова, протоиерея Андрея, о. Тихона (Шевкунова) и других).

Глобализационные формы проявляют себя в церковных проектах модернизации и обновления со-

циокультурной миссии Церкви с целью христианизации культуры. О поддержке процесса модернизации в стране не раз заявлял патриарх Кирилл, выражая готовность участвовать в обсуждении данного дискурса [1].

Сегодня в России главным принципом церковного участия в общественной жизни объявляется принцип светскости. Философия личного успеха и стремление к преобразованию бытия светскими методами и административными мерами (императивы рациональной протестантской этики) приводят к тенденции появления профессиональных церковных чиновников-функционеров, оптимизации церковной структуры в соответствии со спецификой общественной жизни. Глобализационная форма оказывает влияние на специфику церковного управления: системность, рационализм, четкое администрирование. Церкви нужны талантливые менеджеры, администраторы, умеющие системно решать проблему. Именно такие люди выходят на первый план в Церкви (например, митрополит Иларион, председатель ОВЦС). Церковь живет по капиталистическим законам. Необходимость добывать средства приводит к тому, что настоятели храмов превращаются в предпринимателей и хозяйственников.

За всеми вышеуказанными особенностями церковного управления мы можем увидеть цивилизационное содержание, которое усиливается с помощью новых и укоренившихся форм: реализации социального исихазма и представлений о святой Руси, святом народе с помощью форм массовой культуры, административной системы, церковных функционеров и интеллектуалов (стремящихся донести до людей церковную позицию и христианские идеалы на рациональном современном языке) и создания социокультурных трендов; укрепления «русской симфонии» в форме светскости; усиления антиглобализма, традиционализма, православной культуры, религиозного мессианизма в форме экуменизма, активной международной деятельности первых церковных лиц и, в частности, патриарха.

Таким образом, отметим, что в постсоветской России мы можем наблюдать процесс секуляризации церковной жизни, который происходит в связи с актуализацией цивилизационной специфики, а также в силу влияния глобализационной парадигмы, которая становится реальностью современного

мира и оказывает воздействие на государственно-церковные взаимоотношения и социокультурные практики Церкви.

Библиографический список

1. Интервью Святейшего Патриарха Кирилла для программы «Национальный интерес» (телеканал «Россия») [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/950675.html> (дата обращения: 13.03.2014).
2. Леонтьев, К. Н. Византизм и славянство [Текст] / Леонтьев. – URL: <http://kneontiev.narod.ru/texts/vizantizm.htm> (дата обращения: 14.06.2013).
3. Мейендорф, И. Ф. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV веке [Текст] / И. Ф. Мейендорф // ТОДРЛ. – Т. XXIX. – 1974. – С. 291–305.
4. Прохоров, Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. [Текст] / Г. М. Прохоров // ТОДРЛ. – Т. XXIII. – 1968. – С. 86–108.
5. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы [Текст] / под редакцией В. А. Бажанова, Р. В. Шольца. – М., 2015. – 564 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Interv'ju Svjatejshego Patriarha Kirilla dlja programmy «Nacional'nyj interes» (telekanal «Rossija») [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/950675.html> (data obrashhenija: 13.03.2014).
2. Leont'ev, K. N. Vizantizm i slavjanstvo [Tekst] / Leont'ev. – URL: <http://kneontiev.narod.ru/texts/vizantizm.htm> (data obrashhenija: 14.06.2013).
3. Mejendorf, I. F. O vizantijskom isihazme i ego roli v kul'turnom i istoricheskom razvitii Vostochnoj Evropy v XIV veke [Tekst] / I. F. Mejendorf // TODRL. – T. XXIX. – 1974. – S. 291–305.
4. Prohorov, G. M. Isihazm i obshhestvennaja mysl' v Vostochnoj Evrope v XIV v. [Tekst] / G. M. Prohorov // TODRL. – T. XXIII. – 1968. – S. 86–108.
5. Transdisciplinarnost' v filosofii i nauke: podhody, problemy, perspektivy [Tekst] / pod redakciej V. A. Bazhanova, R. V. Shol'ca. – M., 2015. – 564 s.

¹ Необходимо отметить, что под дискурсом понимается не только правило говорения, но и определяющий их контекст (Л. П. Киященко, В. З. Демьянков). Таким образом, дискурс в данном понимании является контекстуально-текстуальным процессом.